

Нина Ефремова¹

УЧАСТНИК ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ

В 60-х годах XX века во Вьетнаме шла страшная война с Америкой. Американцы использовали весь арсенал своих средств, включая биологическое и химическое оружие, а также напалм. Об этой жестокой войне писали в газетах, о боли и страданиях вьетнамского народа показывали репортажи по телевизору. Было страшно смотреть на тот ад, в который американцы повергли мирный вьетнамский народ.

Со 2 марта 1965 года бомбардировки Северного Вьетнама стали систематическими. В 1968 году в американских экспедиционных войсках во Вьетнаме воевали уже 520 тысяч человек (всего за войну — 2,5 миллиона). 24 июля 1965 года над территорией Северного Вьетнама в 50-ти километрах от Ханоя у переправы через реку Чёрная зенитчики зенитно-ракетного комплекса (ЗРК), находясь в засаде, сбили три американских самолёта F-4C «Фантом». Это было первое в истории ПВО боевое применение ЗРК против сверхзвуковых истребителей-бомбардировщиков.

Китай и Советский Союз оказывали экономическую и техническую поддержку правительству Северного Вьетнама. Также оказывалась помощь военными специалистами и инструкторами. Специалисты из СССР учили местных бойцов обращаться с боевой техникой.

С апреля 1965 года по май 1967 года во Вьетнам «...для выполнения правительственного задания во вновь формируемые Учебные центры было отобрано и направлено 2266 советских военных специалистов ЗРВ войск ПВО страны», как говорится, «с колёс» включавшихся в учебно-боевой процесс подготовки личного состава ЗРП во Вьетнамской Народной армии. СССР поставлял

---

¹ **Ефремова Нина Васильевна** — журналист, писатель-прозаик, член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, автор свыше 30 книг, в том числе для детей и подростков. Живёт в Санкт-Петербурге.

А.И. Сысоев

и помогал осваивать сверхзвуковые истребители, комплексы ПВО и средства радиотехнического характера. После очередного налёта американцев учебный зенитно-ракетный комплекс превратили в боевой и ударили по ним.

Среди специалистов, направленных во Вьетнам, был и наш ленинградец Андрей Иванович Сысоев — подполковник медицинской службы, ветеран войны и труда, военный врач, тогда старший лейтенант. Он с группой специалистов прилетел туда поздно ночью. При выходе из самолёта его поразили темнота, тишина, духота, горячий воздух, отчего даже

мраморные скамейки на улице города были мокрые от конденсата. Приходилось привыкать к тяжёлому для европейца тропическому климату, когда температура воздуха круглосуточно была от +35–40 градусов по Цельсию, при влажности 80–100 процентов.

Специалистов встречали вьетнамские военные и представители нашего командования. Специалисты эти — лучшие из лучших в своей специальности, с отличным здоровьем, обученные стрельбе ракетами, проверенные на выносливость.

После окончания школы Андрей поступил в Первый медицинский институт имени И.П. Павлова. А по окончании его 26 выпускников призвали на службу в Советскую Армию. Выпускники стали врачами разных специальностей: хирургами, неврологами, терапевтами... Андрей стал терапевтом, всю жизнь повышал свою квалификацию, выучился на кардиолога, гастроэнтеролога, анестезиолога, занимался авиационной медициной, курортологией, освоил массаж и элементы нетрадиционной медицины. Последнее позволяло ему без лекарств помочь человеку, не дать умереть до приезда «скорой помощи».

В 1967 году Андрея как военного врача, опытного, обладавшего различными медицинскими специальностями, отправили во Вьетнам, как говорили, выполнять свой интернациональный долг помощи вьетнамскому народу в войне с американцами.

Дорога от аэродрома до столицы Вьетнама Ханоя недлинная, но ужасная, после многих бомбёжек вся в воронках. Пассажиров то трясло, то качало из стороны в сторону, то высоко подбрасывало вверх. Дважды по приказам девушек, размахивающих флажками

и сотрясающих воздух свистками, пришлось покидать машины. Оглушительные взрывы пригибали людей к земле. Боевая тревога! Ракета огненной стрелой, пробивая тёмный небосвод, стремительно летела в северном направлении. За ней вторая, третья...

В грязном рву метрах в ста от обочины пришлось ожидать окончания воздушной тревоги. Потом выскочили, пригибаясь чуть ли не до земли, куда-то бежали. Рядом бежали ещё какие-то люди, и всё так серьёзно, напряжённо... Вот и ступенчатый спуск под землю, тускло горящие лампы, шершавые бетонные стены, низкий потолок. Одним словом, бомбоубежище. Специалисты ещё не прибыли на место своей службы, а уже неоднократно побывали под обстрелами и бомбёжками, правда, отделялись лишь испугом. Устали все так, будто камни таскали. Разумеется, это всё нервы, отсутствие привычки.

Вот и Ханой. Маленькие, к тому же направленные под углом вверх окошки машины не позволяли пассажирам толком рассмотреть улицы, по которым они проезжали. Бросилось в глаза только обилие деревьев и крайне малое количество высоких зданий.

Машина остановилась около столовой. И сразу же началось знакомство с пресмыкающимися. По потолку с писком бегали маленькие ящерицы-гекконы, охотясь за насекомыми. Это нервировало. Казалось, что в любой момент они могут угодить в твою тарелку. Утром на улицах были разбросаны листовки американцев, где они сообщали о бомбардировках Ханоя, от которого скоро ничего не останется, они угрожали уничтожением дамбы на реке Красная, отчего всё и всех затопит водой. Всё это произойдёт так быстро, что никто не успеет никуда выбраться.

Был май 1967 года. Американцы массированно бомбили Вьетнам. А 19 мая, в день Хо Ши Мина, бомбили особенно активно, начали с утра, не переставая, до обеда, потом у них был перерыв. Земля дрожала. Ну а уж после обеда началось такое, что, казалось, наступил конец света. Американские лётчики в сутки совершали по 30–40 самолёто-вылетов, при этом сбрасывали фугасные и «шариковые» бомбы. Особенно тяжело было ночью. По сигналу воздушной тревоги все вскакивали с постелей и, кто в чём спал, бежали в бомбоубежища, которые были в каждом дворе и на каждой улице. Слово «бомбоубежище» здесь не очень правильное. На самом деле это индивидуальные укрытия, вырытые вдоль дорог и тротуаров, глубиной метра полтора и полметра в диаметре, рассчитанные на комплекцию вьетнамца. Их закрывали люки с тяжёлыми крышками, которые без тренировки сдвинуть невоз-

можно. Такие укрытия появились после применения американцами шариковых бомб против мирного населения.

Американцы использовали кассетные бомбы, как и во всех военных кампаниях второй половины XX века: от Корейской войны до Иракской. Они имеют очень широкую зону поражения и при этом не обладают более-менее точной наводкой. Часто кассетные бомбы взрываются не сразу, что автоматически превращает их в противопехотные.

Как только раздавалась сирена воздушной тревоги, на улице никого не оставалось. Старшие быстро хватали малышей под мышку и прыгали в люки. Сколько же страха было в их глазах, когда приближались американские самолёты! И с какой надеждой и любовью они провожали взглядом советские МИГи!

Сысоев видел, как одна из шариковых бомб попала в угол трёхэтажного дома, весь угол которого так разнесло, что образовалась глубокая воронка, а стены рядом стоящих домов были пробиты бомбовыми шариками.

Зенитно-ракетный комплекс, куда прибыл Сысоев с двумя солдатами, располагался на пересечённой местности в джунглях. Пусковые установки и кабины размещались под кронами больших деревьев, которые наряду с надёжной маскировкой защищали технику и людей от палящих лучей солнца. Но влажность в тени джунглей была значительно выше, чем на открытом месте. Ощущение было такое, словно всё тело покрыто липкой плёнкой. Даже волосы были липкими от пота.

Под густым сплетением веток стояли небольшие домики-бунгало, сделанные из бамбука и пальмовых листьев. У каждого человека была стальная защитная каска-шлем советского производства.

В распоряжение Сысоеву выделили госпитальную землянку, рассчитанную на 6–7 человек. Высота стен — примерно два метра. Стены изготовлены из толстых стеблей бамбука и завешены красно-зелёными циновками. Косые односкатные крыши немного выступали над поверхностью земли и представляли собой многослойную конструкцию из жердей и высушенных листьев. Толстая растительная подушка хорошо защищала от дождя и от солнца. Освещение традиционное — керосиновая лампа.

Прежде всего, надо было проверить питьевую воду, её качество. Вместе с поваром направились к небольшой речке, которая протекала рядом. Вода в ней оказалась грязная и содержала огромное количество различных болезнетворных бактерий. Для

питья и приготовления пищи она совершенно непригодна. Её можно было употреблять только после длительного кипячения. Даже купаться в ней опасно из-за большой вероятности заболеть инфекционной болезнью. Вокруг много ядовитых змей, в зарослях высоких деревьев, переплетённых лианами, тучи различных насекомых. Пациенты, которым требовалась медицинская помощь, появились сразу, стоило только ракетчикам увидеть Сысоева. У одного из них лицо было так искусано комарами и москитами, что глаз почти не видно.

— Ты почему же, друг мой, — возмущался Андрей, — для защиты не пользуешься москитником? Всех же предупреждали об опасности, которую представляют укусы этих насекомых.

— Пользуюсь москитником, — оправдывался пострадавший. — А вчера меняли позицию. Очень устал. Быстро заснул. Вот они и навалились на меня.

Пришлось сделать укол, места укусов намазать мазью «Тайга». Пострадавшего Андрей отпустил с напутствием следить за собой.

— Через два часа приходи, — потребовал он. — Обязательно.

После укусов насекомых на теле образуются волдыри-припухлости и появляется сильный зуд. Так и хочется расчесать, тогда эти места превращаются в сплошную язву, которая из-за пота, высокой влажности и бактериальной насыщенности среды не заживает неделями. Москиты отличались зверским аппетитом, кусали через одежду, и, как люди шутили, даже через задний карман брюк и подошвы ботинок.

Многие из насекомых были ядовитыми, создавали угрозу здоровью, Андрей называл их «фосфоритками». Падая с деревьев и кустарников на человека и проползая по телу, они оставляли ожоги, которые начинали гноиться и длительное время не заживали. Здесь было много сильно ядовитых змей, таких как тигровые кобры, укусы которых смертельны. В первый день приезда Андрея в землянку привели вьетнамца, укушенного змеёй. Андрей ввёл ему вакцину и беспокоился, поможет ли она, так как было неизвестно, какая укусила змея. Двое наших специалистов, проснувшись, обнаружили на руках сплошные красные полосы непонятного происхождения, которые жгли, как от химического ожога, покрылись мелкими, с маковое зёрнышко, волдырями. Это редкое насекомое, похожее на гусеницу, попав на потную кожу, выделяет через тончайшие ворсинки на брюшке особый газ, вызывающий химический ожог. Уставшие парни во сне не ощутили ползания по

голым рукам живых «химических снарядов» замедленного действия. Эти ожоги лечились долго и оставили на руках рубцы.

Сысоев трудно привыкал к условиям жизни во Вьетнаме — к массивованным бомбёжкам, невыносимой жаре и высокой влажности, когда казалось, будто круглые сутки сидишь в парилке. Одежда на всех всегда была не влажной, а мокрой, прилипшей к спине от пота, который стекал по спине и кончикам пальцев на землю. Капельки пота так и висели на пальцах постоянно. Пот разъедал кожу, и она «горела», как будто тебя отхлестали крапивой. Усталость и климат быстро давали о себе знать: уже через несколько дней среди вновь прибывших наших специалистов начались болезни. В течение трёх суток все страдали от высокой температуры и сильных головных болей.

Чёрный хлеб, селедка и холодная вода — стали мечтой каждого из Союза! Иногда им завозили «деликатесы»: ржаной хлеб, упакованный в целлофановый пакет, чтобы не черствел, ржаные сухари в металлических банках. Они были желаннее и дороже икры, крабов и дорогостоящей колбасы.

Приспособиться к жизни в джунглях Андрею помогло влияние на него отчима, в своё время превратившегося из детского психолога в основателя новой науки — военной психологии.

Отец из семьи ушёл. В 1946 году мама второй раз вышла замуж, за Григория Демьяновича Лукова. Через год родилась сестра по матери — Татьяна.

Отчим — фронтовик, всю войну был на передовой, сначала рядовым, потом стал офицером, гордился солдатской медалью «За отвагу», полученной за подрыв немецкого дота. До войны он был детским педагогом и психологом, кандидатом педагогических наук, доцентом. Накопленный опыт, наблюдения и обобщение учёного позволили ему стать основателем новой науки — военной психологии. В конце 1942 года, уже в звании майора, в перерывах между боями по заданию Политуправления он читал командирам лекции, как поднимать боевой дух бойцов, преодолевать страх и стресс, быстро принимать решения, учил, как за короткое время отдохнуть, быстро перейти от сна к бодрствованию.

В боях под Москвой Луков получил тяжёлую контузию. После лечения вновь вернулся на передовую, воевал в Карелии, участвовал в боях за освобождение Ленинграда. После войны в Ленинграде в Военно-политической академии имени М.И. Калинина (её потом перевели в Москву) создал свою школу военных психологов. Во многих военных вузах учились по его учебникам.

Г.Д. Луков

Григорий Демьянович и стал воспитателем Андрея и Татьяны. Он воспитал в них упорство в достижении цели, добросовестность и порядочность, трудолюбие, честность, ответственность, стремление к справедливости, деликатность, отзывчивость, любовь к знаниям, преданность своему делу, своей семье.

Ко времени приезда Сысоева армия США организовала вторую крупную операцию. Но партизаны постоянно уходили из-под ударов, маневрировали и наносили противнику неожиданные удары, ис-

пользовали боевые действия по ночам, тоннели, скрытые укрытия. В результате американская и южновьетнамская армии находились в вынужденной обороне. Зато американцы не жалели бомб различных видов.

Сквозь сон Сысоев услышал вой сирены, схватил одежду, каску и, одеваясь на бегу, побежал к пусковым, пробираясь через кусты.

— Дистанция — сорок два километра! — слышно из небольшого динамика, связанного проводами с радиолокатором. Это командиры ракетчиков извещали о приближении вражеских самолётов.

— Тридцать восемь, тридцать два, двадцать девять...

— А ну быстро! Марш в «щель»! — приказал капитан на пусковой всем, кто не связан со стрельбой.

Андрей вместе с другими побежал в окоп. Наверху разразилась настоящая битва. Друг за другом с жутким воем стартовали ракеты. Лес ходил ходуном, отзываясь на человеческое насилие стонами ломающихся ветвей и скрежетом падающих наземь деревьев. Те, кто находился в укрытии, молил Бога, чтобы в гости к ним случайно не залетела одна из новомодных шариковых бомб, от которых нет спасения даже в окопах.

Вдруг из укрытия Андрей услышал громкий мат и всякого рода проклятия в адрес американцев на русском языке. Подойдя ближе, он увидел одного из номеров стартового расчёта, тело которого было изрешечено множеством ран, полученных от осколков разорвавшегося неуправляемого снаряда. Оказалось, что во время налёта солдат схватил автомат и со словами «Сейчас я вам покажу, гады!» открыл огонь по пролетающему на бреющем полёте «Фантому».

По телефону майор командует: «— Групповую цель уничтожить! Тремя, очередью! Темп шесть!». Два самолёта, взрываясь, разваливаются на горящие куски, дымящим шлейфом прочерчивая траекторию падения. Полнебосвода охвачено пламенем. Пламя сменяется огромным столбом дыма, бурным в отсветах зарева. Те, кто это видят, радуются и жмут друг другу руки — «Победа!».

Сверху сыплотся осколки зенитных снарядов, но у каждого на голове каска. Минут через пятнадцать появляются трое крестьян. «Спасибо, — благодарят они. — Вы, наконец, сбили эти проклятые самолёты. Они не давали нам покоя ни днём, ни ночью».

Выждав ещё полчаса, командир принял решение оставить позицию, дал команду «Отбой-поход!». Все быстро начали сворачиваться, выкладываясь из последних сил. Со всех сторон из темноты доносилось русское «Давай! Давай!» и вьетнамское «Хай! Ба!».

По нормативам на свёртывание дивизиона требовалось два часа. Здесь после команды «Отбой-поход!» свернуть технику и уйти с позиции в джунгли успевали через сорок минут. Иначе было нельзя — по выявленным позициям ЗРК американцы тут же наносили ракетно-бомбовые удары, не догадываясь, что произошла подмена: только что оставленную позицию занимал «ракетный дивизион» на крестьянских повозках. Каркасы корпусов этих ракет были сделаны из расщепленных бамбуковых прутьев, обтянутых циновками из рисовой соломы. С использованием умелой маскировки с воздуха создавалось полное впечатление действующего зенитно-ракетного комплекса. Можно себе представить удивление, а вероятнее всего испуг американского аса, когда после взрыва только что сброшенной им с самолёта бомбы такая «ракета» подбрасывалась отражённой взрывной волной на несколько метров в воздух, а затем, удерживаемая верёвками, как ни в чём не бывало плавно опускалась на землю.

А в это время настоящая техника, замаскированная под кроны других деревьев, под звуки далёких взрывов бомб и зенитных снарядов, периодически доносившихся со стороны оставленной ими позиции, ожидала новых действий. Советские ракеты для американской авиации стали врагом номер один, и все её усилия были направлены на то, чтобы уничтожить ракетные дивизионы. Началась настоящая охота за ракетными комплексами. Чтобы уцелеть, ракетчикам приходилось постоянно применять тактику действия из засад, быстро меняя позицию после каждого боя и искусно маскируясь. Самолёты противника встречали ЗРК там, где никак не ожидали встреч с советскими ракетами.

А в кабинах зенитно-ракетного комплекса на термометрах со шкалой до + 70 градусов по Цельсию уже через час после включения аппаратуры столбик термометра упирался в эту предельную цифру «70» и замирал, не опускаясь до её выключения. А комплекс в боевом режиме работал по 10–14 часов в сутки. Вентиляторы в кабинах выключали, так как они, гоня горячий воздух, обжигали. Находиться в этих раскалённых металлических мешках было невозможно, но люди находились, одетые только в стальную каску на голове и в трусы. Пот ручьями стекал по телу на пол. Под креслами операторов в кабинах были не просыхающие лужи пота — будто кто-то вылил ведро воды.

Результатом высокой влажности, отсутствия необходимых средств личной гигиены, в первую очередь ванны и душа, стали заболевания многих наших специалистов. У многих в разной степени были потница и грибок на ногах. Ступни ног, поражённые грибком, представляли ужасную картину: на них, как говорится, не было живого места. А потница — сыпь по всему телу. Некоторые от этого сильно страдали и почти не в состоянии были ходить из-за сплошного высыпания в области паха, на внутренних поверхностях бёдер, под мышками. Эта сыпь быстро превращалась в сплошную незаживающую язву. Некоторых приходилось госпитализировать. У некоторых не выдерживали почки, хотя раньше медицина их признавала здоровыми. Одного сержанта Сысоев на лечение отправил в Союз. Единственным спасением от жары был тропический ливень, когда налёты прекращались и для зенитчиков наступали часы отдыха с прохладой.

Новая позиция ЗРК находилась на краю только что убранного рисового поля недалеко от деревни. Медицинская часть располагалась в хижине из бамбука. Когда Сысоев вышел из хижины, позиция ракетчиков вдруг подверглась бомбово-штурмовому удару второй группы авиации противника. Одна из бомб попала в огромное дерево. Взрывная волна оторвала Андрея от земли и тут же бросила навзничь. Одновременно раздался мощный взрыв, и он свалился в окопчик. Когда он выглянул из него, в стороне от дороги, ближе к деревне, увидел вздымавшийся к небу чёрный столб дыма, откуда слышался непрерывный треск. Это рвались американские шариковые бомбы. Столб дыма от горевших в придорожном кювете бочек с горючим привлёк внимание пилотов противника, и они сбросили на деревню несколько контейнеров с шариковыми бомбами. Один из них взорвался над детским садом. В каждом металлическом контейнере уложено от пятисот до ше-

Самолёт сбрасывает шариковые бомбы

стисот шарообразных бомбочек размером с теннисный мячик. Ещё в полёте кассета раскрывается, «теннисные мячики» разлетаются веером и взрываются на площади около 500 на 500 метров, причём в каждом «мячике» находится около трёхсот мелких стальных шариков диаметром 2–3 миллиметра или колюще-режущие кубики, шрапнель, гвозди. Поражения от них — очень тяжёлые. Каждый шарик делает длинный, с извилистым ходом раневой канал, обширные повреждения мягких тканей, многочисленные разрывы внутренних органов. Шарики у усовершенствованных бомб изготавливались из пластмассы, прочной как сталь, при этом они более лёгкие. Входное отверстие их почти неразличимо, ранения в большей части слепые, и рентгеном шарики не обнаруживаются.

Сысоев бросился перевязывать раненых. В палатку внесли раненого. Он дрожал от страха, ему казалось, что на них падает бомбардировщик.

Притащили раненого американского лётчика, требовавшего отвести его к командованию для доклада о выполненном задании. Не найдя серьёзных ран, кроме обширного свежего синяка на правой скуле, Андрей смазал йодом мелкие порезы и в качестве успокоительного дал полстакана «змеиной» настойки. Когда он вышел из палатки, чтобы встретить вертолёт для эвакуации раненых, увидел, как со старенького ГАЗ-51 несколько солдат с весёлым гомоном сгружали обломки сбитого американского самолёта, с которого недавно выпрыгнул пострадавший. Большой кусок

самолётной обшивки украшали три луча большой белой звезды. Из кузова вывалили пилотское кресло второго лётчика, который не успел покинуть самолёт. Залитый ржавой кровью лётчик так и остался сидеть в нём, пристёгнутый страховочными ремнями.

Вскоре рядом с позицией приземлился вертолёт, откуда выскочили несколько человек с носилками и вместе с Андреем направились в палатку. Все тяжёлые раненые были немедленно эвакуированы. Смертельно уставший врач прилёг на матрас. При изнуряющей жаре и влажности 99 процентов отдыхать после обеда нужно было обязательно, а тем более после таких сложных событий. Послеобеденный отдых немного восстанавливал силы.

Великая Отечественная война застала Андрея с мамой, Анной Константиновной, в селе Никольское Тосненского района у родителей отца, куда они приехали на лето. Как только Аня услышала, что началась война, несмотря на уговоры родственников остаться, схватила сына на руки и бросилась на станцию. Но на станции было много народа, билетов не купить. Она металась вдоль ближайшего состава, тщетно пытаясь втиснуться в вагон. Машинист паровоза пожалел её и на свой страх и риск помог ей подняться в свою кабину. Так она приехала к себе домой. Отца Андрея, Ивана Ивановича, в первые дни войны призвали по его первой специальности — инженера-кораблестроителя на Судостроительный завод, где он скоро оказался на казарменном положении. По второй его специальности он был оперным певцом.

Аня с сыном поселилась у своих родителей в коммунальной квартире на улице Пестеля. У родителей было пятеро детей. Восемнадцатилетний Александр ушёл на фронт и погиб в том же 1941 году. Отец, работавший на «Красном треугольнике», был на казарменном положении. В квартире остались женщины и дети: Тоня, Володя и маленький Витя, родившийся в 1939 году.

Иногда семью навещал отец большого семейства. Однажды он принёс в небольшом пакетике шесть довоенных, давно просроченных, твёрдых и сухих шоколадных конфет. Бабушка спрятала их в буфете, где до войны хранила посуду и продукты. В один из тёмных, холодных дней Андрей, ослабевший от голода, оставшись на короткое время один, закутанный во множество разных одежек, подвинул стул к буфету и вытащил пакетик с высохшими, слипшимися между собой, с намертво прилипшими фантиками, «конфетами». Оторвав одну из них, положил себе в рот. От неё стало сладко и вроде теплее. От всего этого он устал, с трудом сполз со стула и заснул. В таком виде его застали мама и бабушка. Они,

увидев в его руке несъедобные конфеты, испугались, не отравился ли он.

На какое-то время Андрея удалось устроить в детский сад. Это его и спасло. На Пискарёвском кладбище в павильоне, где представлены фотографии блокадного времени, есть «Детский сад на прогулке», старая, чёрно-белая, сделанная зимой. Увидев её, Аня узнала на ней Андрея в вязаной шапочке.

Осенью 1942 года по штормовой, уже готовящейся замёрзнуть Ладоге бабушка с детьми и Аня с Андреем были эвакуированы из Ленинграда. До этого Анна слышала о гибели людей на Ладоге, говорили, что спасались лишь те, кто был на палубе баржи. Поэтому, несмотря на уговоры и угрозы, она не пошла в трюм, а, прижавшись к какой-то пристройке, прижимая к себе сына, чтобы как-то защитить его от холода и ветра, простояла на палубе до самого конца пути. Ледяной ветер пронизывал до костей, было не просто холодно, а невыносимо холодно, когда уже ничего не чувствуешь. Путь был мучительным и бесконечным. Людям в трюме было немного теплей. Наконец, добрались до берега, некоторых выносили на носилках. На другом берегу Ладоги был развёрнут эвакуационный пункт. Прибывших отогрели, осторожно накормили (людей, голодающих длительное время, надо кормить по-особому) и отправили в Ярославскую область, в село с названием Большое Село.

Эта переправа через Ладогу и эпизод с конфетами у Андрея Ивановича стали самыми яркими воспоминаниями детства, хотя ему тогда было только три года. Эта память, скорее всего эмоциональная, память ощущений. Всю жизнь он помнил блаженство, какое испытывал, когда после постоянного голода он вдруг нашёл настоящую еду — во рту постепенно таяла ледяная твёрдая конфета, отдавая забытую сладость! Помнил и жуткий холод, вымораживающий всё внутри, холод спасительницы Ладоги.

В 1944 году, когда Ленинград окончательно освободили от фашистской блокады, отец матери прислал вызов, и эвакуированные вернулись в Ленинград в квартиру на улице Пестеля. Дед, по-прежнему, работал на «Красном треугольнике». Там стали работать и мама с бабушкой, причём бабушка какое-то время была грузчиком.

У Андрея не было обуви. Дед сплёл ему лапти, в которых он ходил почти год, пока по ордеру не выдали для него ботинки. В них 1-го сентября он и пошёл в первый класс мужской школы № 207, которую окончил в 1955 году. С шестого класса Андрей ходил в спортивную секцию Дворца пионеров имени А.А. Жданова, ныне

Дворец творчества юношества, занимался лёгкой атлетикой, бегал стометровку, стал кандидатом в мастера спорта среди юниоров. И потом всю жизнь занимался спортом, плавал круглый год, моржевался.

Бум, бум, бум, — будто кто-то топором стучал совсем близко. Андрей, когда ощутил сильнейший удар, буквально сбросивший его на пол, открыл глаза. Андрей с санитаром вывели из палатки двух раненых, чтобы спрятать их в щели, и явно попали в самый эпицентр очередной бомбардировки. Чёрные столбы разрывов хаотично поднимались то справа, то слева. А с запада двумя чёткими треугольниками надвигались бомбардировщики. Новый оглушительный удар, и на людей валом полетела земля вместе с сучьями. Из пулемётов пока не стреляли, не успели засечь точное местоположение зенитчиков. Пилот залпом выпустил по роще две ракеты и прошёлся по пальмам из жуткой шестиствольной бортовой пушки «Вулкан». Эта пушка изрыгала снаряды с такой умопомрачительной скоростью, что казалось, будто из самолёта вылетает огненный смерч. Правда, снарядов в самолётном боекомплекте хватало только на двенадцать секунд. Вот и щель. Что-то сильно толкнуло Андрея, и он мгновенно оказался на дне щели. Отчаянно, цепляясь руками за что попало, почти теряя сознание, ощутил, что чьи-то сильные руки его выдирают наверх. Самолёты улетели. Выбравшись, Андрей некоторое время жадно дышал, прочистил забитые землёй уши, смахнул с лица что-то липкое, обернулся. Санитар и раненые смотрели на него с сожалением. — Сейчас мы вас перевяжем, — наклонился к Андрею санитар.

Но воздушные бои, к счастью, долгими не бывают. Пальба и оглушительные взрывы скоро стихли. Андрей уже окончательно пришёл в себя, приказав раненым оставаться здесь, осторожно вылез наружу. До позиций ракетчиков было метров четыреста. На поляне было три воронки да разбитая прямым попаданием транспортно-зарядная машина. К счастью, она была без ракеты, поэтому обошлось без больших жертв. Люди плотно окружили длинную воронку, проделанную четырёхметровым, весело сверкающим на солнце алюминиевым баком.

От удара бок бака лопнул и стало видно, что из него лениво вытекает дурно пахнущая жидкость красноватого цвета. Сысоев командовал: «Всем разойтись по местам! Возможно, это отравляющее вещество! Бомбу срочно засыпать, чтобы не вспыхнула огнём!».

Все отошли в сторону и стали наблюдать, как трое вьетнамцев лопатами ловко забрасывали землёй опасную находку. Она дей-

Зона огня от напалмовой бомбы

ствительно была опасная! Когда рядом с вьетнамской батареей разорвалась напалмовая бомба, Андрей видел страдания одного из бойцов, хотя на его бедро попало лишь несколько капель напалма. Он, вероятно, автоматически сумел погасить землёй стекающую по ноге горящую смолу.

Напалм — известное по вьетнамской войне оружие, зажигательная смесь, которая в виде горящих кусков разлетается во все стороны, до ста метров и более, создавая обширную зону огня. Напалм горит медленно, водой не гасится. Полученная смесь прилипает к поверхностям, даже вертикальным. Огненную смесь почти невозможно убрать с кожи, она прожигает её, причиняя жуткую боль, температура горения достигает 800–1200 градусов по Цельсию, даже прожигает металлические конструкции. При горении напалм активно выделяет угарный и углекислый газы, выжигая весь кислород, находящийся в округе. Это давало возможность поражать даже тех, кто смог укрыться в землянках, бункерах, пещерах. Эти несчастные погибали от удушья и страшного жара.

Вдруг верхушку дерева, под которым стояли, словно срезало гигантской бритвой. Спасаясь от падающих сверху сучьев, все бросились враспынную. Толстый древесный обломок сбил Андрея с ног и придавил к земле. Он стал судорожно дёргаться, вырываясь из плена веток, оставляя обрывки формы на обломках сучьев. Он всё же выполз из-под толстой ветки, готовый бежать к своим раненым, успокоить. Люди везде разные, с разными характерами, типами нервной системы, по-разному реагировали на бомбёжку. Казалось, вроде должны и привыкнуть, но разве можно привыкнуть к постоянной опасности, к неизвестности, что тебя ждёт

завтра или через час? Некоторым нужна была психологическая помощь доктора. И Андрей находил способы, как помочь, успокоить, как вернуть уверенность.

Но до окопа Сысоеву добраться не удалось. Леденящий звон реактивных моторов заставил прикрыть голову руками. Какая-то сила отбросила его в сторону, и он кубарем покатился по склону оврага. Вокруг него творилось нечто невообразимое, но ни один осколок или пуля не задела его. После такой круговерти надо было проверить, есть ли раненые у ракетчиков, и он, не думая об опасности, побежал к комплексу.

Самолёты противника улетели, и Сысоев увидел воронки, горящие остовы двух машин да свалившийся на бок, изувеченный при прошлой бомбёжке радиолокатор. «Успели, поменяли место», — обрадовался он.

Отряхиваясь на ходу, из зарослей вышел батареец ПВО.

— У ракетчиков потери были? — спросил его Сысоев.

— Трое или четверо носилок погрузили на бортовую машину, а несколько легкораненых под руки отвели в твой лазарет. Там тебя и дожидаются. Просили передать, что вечером за вами пришлют машину.

Андрей поспешил в свою хижину. В голове продолжало шуметь.

Госпитальная хижина-бунгало, сделанная из бамбука и пальмовых листьев, была почти цела. Перед ней была огромная воронка. Несколько раненых, советских и вьетнамцев, ожидавших очередь на перевязку, вели себя оживлённо. Когда Сысоев подошёл к двери, раненые вьетнамцы начали что-то хором выкрикивать, явно приветственное, стараясь обязательно коснуться его рукой. Андрей останавливался около каждого, растерянно жал руки, не очень понимая, что это они так обрадовались его появлению. В этот момент дверь распахнулась, и появился наш сержант, прыгающий на одном костыле, со свежей марлевой повязкой на голове, закрывающей один глаз.

— Всю щеку бамбуковой щепкой располосовало, — пожаловался он.

— А что это вас тут так чествовали? — спросил Андрей.

— Да мы только что очень удачно два американских самолёта от батареи отогнали. Один так вообще завалили.

Стало ясно, что здесь происходило меньше часа назад. Вьетнамские зенитчики, которые были недалеко от советского комплекса, промахнулись, а живы остались только потому, что самолёты отогнали наши. Год назад «промазавший» расчёт погиб

полностью. После того случая вьетнамцев надолго отстранили от самостоятельных пусков.

На плетёной циновке лежали только вьетнамцы. У одного было воскового цвета лицо и неестественно заострившиеся скулы. Ему было совсем худо, но он крепился и даже не стонал.

Андрей разрезал и оторвал часть штанины вместе с запёкшейся кровью. Пуля прошла навывлет, задеты были явно не только икроножные мышцы, скорее всего кость тоже пострадала. Протерев входное и выходное отверстия спиртом, он облил рану зелёной и наскоро перебинтовал простреленную ногу, дал таблетку обезболивающего.

— Вы не представляете, какой силы чувства забушевали во мне, — говорил один из советских раненых. — Когда я уткнулся носом в грязь на дне воронки, готов был сбивать вражеские самолёты камнями и грызть уцелевших пилотов живьём, одними зубами! Не припомню, чтобы когда-либо до этого я был так взбешён. Выкрикивая немыслимые ругательства, я вскочил на ноги и полоснул из автомата по самолёту. А из самолёта полоснули по мне.

У раненого красное, багровеющее пятно расплывалось по всему бедру. Опасаясь, что нога его сломана, Андрей осторожно ощупал её и убедился, что кости целы. На следующий день бедро раненого раздуло чуть не вдвое, и лёгкая поначалу синева превратилась в затянувшуюся черноту на половину ноги. Его пришлось госпитализировать.

Другой, сжав зубы от боли, повернулся и неуверенно, дрожа всем телом, отвёл окровавленную руку в сторону. Его ранение можно было назвать даже удачным. Крупнокалиберная пуля навывлет пробил кожу на боку, не задев внутренних органов. Но страшный удар такого куска свинца вырвал большой участок кожи и вполне мог переломить ребро. Андрей щедро посыпал рану порошком стрептоцида, приложил к ней бактерицидную салфетку и, стараясь не обращать внимания на жалобные стоны, обмотал пострадавшего бинтом.

Андрей — врач божьей милостью, прекрасный диагност, чуткий и внимательный, здесь оказался кстати. Страдая сам, всячески стремился облегчить страдания других. Он вёл ежедневные наблюдения, делал записи, придумал способ лечения и даже мазь.

Оказав первую помощь всем раненым, Андрей вышел из хижины и, ожидая прихода машины, сел под деревом. После переживаний дня появилась сильная слабость. Он закрыл глаза. Скоро к хижине подошла бортовая машина с двумя солдатами и с прика-

зом уходить с данного места. Быстро все оказались в машине и поехали. «Воздух!» — крикнул один из раненых и резво выпрыгнул из машины, остальные стремительно последовали за ним. Над машиной пронеслась разноцветная трасса снарядов. Машина взяла с места в карьер и, обогнув дымящуюся воронку, понеслась к подножью холма. Раненые смотрели назад, отслеживая взглядами манёвры атакующих их самолётов...

Вступление в действие советских зенитных ракетных дивизионов повергло американцев в шок. На две недели прекратились бомбардировки территории ДРВ, а затем изменили тактику налётов: с высоты 3–5 тысяч метров при подходе к цели, спасаясь от ЗРК, снижались от 50 до 200 метров, становясь менее уязвимыми для ствольных зенитных средств ПВО Вьетнама.

Американские лётчики были опытными и хорошо подготовленными к ведению боевых действий, летали мастерски и на малой высоте, быстро меняли тактику, активно применяли всевозможные помехи, противорадарные ракеты «Шрайк».

Однажды Сысоев оказывал помощь непосредственно в кабине комплекса, так как от огромного нервного напряжения и невыносимой жары человек потерял сознание. Один из ракетчиков крикнул: «Прямо на нас идут!».

Два американских «Фантома» заняли удобную для повторения атаки высоту и, построившись в боевой порядок, понеслись на зенитно-ракетный комплекс во весь опор. Но тут прямо перед «Фантомом» густо замелькали дымные трассеры снарядов, несущиеся со стороны спасённой комплексом зенитной батареи вьетнамцев. «Фантом», опасаясь повторить судьбу своего предшественника, пытаясь укрыться от кинжального огня зенитчиков за ближайшим холмом, резко перевернулся вокруг своей оси и рухнул в дальние заросли.

После длительных бомбардировок люди из Союза чувствовали себя плохо, не хотелось ни пить, ни есть, от влажности, потницы и укусов насекомых многие ощущали сердечные боли, плохо работал кишечник, распухали фаланги пальцев рук. Приходилось делать уколы, давать таблетки, смазывать и бинтовать распухшие пальцы. У некоторых от взрыва бомб в ушах был звон, появлялось полное отрешение... В такие моменты Андрей открывал блокнот с фотографиями своей семьи...

В начале 1968 года силы Вьетконга предприняли крупное наступление. Оно вошло в историю как операция Тэт. Это Новый год, который отмечают в азиатских странах. Численность наступаю-

щих с учётом местного населения, которое также принимало участие, приближалась к миллиону бойцов. В этом же году пришло время Сысоеву возвращаться домой. В честь убывающих на Родину советских военных специалистов состоялся приём, на котором Андрею Ивановичу вручили вьетнамскую Медаль Дружбы, благодарственные грамоты и памятные подарки.

За мужество и героизм, проявленные в боях, советские военные специалисты были награждены орденами Красного Знамени. Командир 274-го ЗРП ВНА майор Нгуен Нунг в день их отъезда на Родину сказал слова благодарности: «Мы никогда не забудем ваших усилий, которые вы приложили, обучая полк. Мы никогда не забудем совместно проведённых боёв, в которых сражались плечом к плечу советские и вьетнамские воины. Мы учились у вас упорству в работе, мужеству и смелости в бою. Мы навечно стали боевыми друзьями. Мы навсегда благодарны советскому народу за помощь, которую вы оказали нам».

30 апреля 1975 года в результате стратегической операции «Хо Ши Мин», блестяще проведённой Народными вооружёнными силами, был освобождён Сайгон. Над президентским дворцом взвился флаг Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. Марионеточная проамериканская власть была ликвидирована. 2 июля 1976 года произошло объединение Севера и Юга государства в единое — Социалистическую Республику Вьетнам (СРВ).

Освободительная война во Вьетнаме продолжалась 30 лет — с 1945 по 1975 год. За годы войны на его многострадальную землю американцами было сброшено 14 миллионов тонн бомб и снарядов. Это количество превышает то, что было использовано во Вторую мировую войну на всех фронтах. Мощные авиационные бомбы, а также запрещённые различными конвенциями, всё сравнивали с землёй. Активно использовался напалм и фосфор для выжигания джунглей. Вылито тысячи тонн отравляющих веществ, выжжено напалмом и гербицидами десятки тысяч гектаров джунглей и тысячи деревень. Американцы стремились убить здесь всё живое — все растения, животных — убить джунгли, чтобы защитникам Вьетнама негде было прятаться. Всё, чем они поливали джунгли, действовало плохо не только на природу, но и на людей. В войне погибло более трёх миллионов жителей, из них более половины — мирные жители. Огромные человеческие и материальные потери, причинённые этой войной, невосполнимы, демографические, генетические и экологические последствия непоправимы. Самыми ужасными последствиями стало мутагенное и токсическое влия-

ние «радужных гербицидов», как на население Вьетнама, Лаоса и Кампучии, так и на самих американских солдат, распыляющих дефолианты из заплечных канистр.

С августа 1964 года по декабрь 1972 года над Северным Вьетнамом было сбито 4181 американских самолёта, в том числе 1293 сбито советскими ракетами. США на войну потратили больше 350 миллиардов долларов. Всего во Вьетнаме насчитывается около 4,8 миллиона жертв распыления дефолиантов, в том числе три миллиона непосредственно пострадавших. Зарегистрировано ещё большое число людей, которые стали инвалидами из-за того, что их родители, дедушки и бабушки подверглись диоксиновой обработке.

От применения химического оружия Вьетнам пострадал больше любой другой страны в мире.

После Вьетнама Андрей Иванович служил в разных местах Советского Союза, военные люди не выбирают, где бы они хотели служить.

Распрощавшись с военной формой, он с женой Еленой Борисовной и детьми вернулся в своё «родовое» гнездо в Автово, в место своего детства, и стал работать в поликлинике Михайловской артиллерийской академии, где проработал более двадцати лет.

Врач является заложником своей профессии, и на пенсии, когда срочно нужна медицинская помощь, Андрей Иванович не прятался, а её оказывал.

Вот как рассказывает один из случаев Елена Борисовна. Они гуляли по городу. Вдруг идущий впереди мужчина упал. Андрей попытался ему помочь встать. Но мужчина был без сознания. Тогда Андрей руками, нажимая на определённые точки, привёл его в сознание и был рядом с ним до приезда «скорой помощи».

В другой раз, чтобы ехать за город, на вокзале купили билеты и на платформе ожидали прибытие электрички. Вдруг увидели, как пьяный мужчина решил с противоположной платформы перейти на эту, для чего спрыгнул на рельсы и упал. Электричка уже подходила, машинист отчаянно сигналил. Пассажиры, находящиеся на платформе, это видели, кричали, но никто не тронулся с места. Андрей спрыгнул с платформы и буквально в последние секунды чуть ли не из-под колёс оттащил мужчину с рельсов. Все до последнего момента смотрели на происходящее, когда всё обошлось благополучно, ахнули и побежали занимать места.

Были другие разные случаи, и Андрей всегда спешил на помощь. И когда к нему, военному врачу, обращались за советом или

за помощью врачи из гражданских больниц, он всегда внимательно выслушивал, и, если было в его силах, помогал.

Когда его просили выступить перед врачами, солдатами или перед школьниками, он всегда к этому относился серьёзно, предварительно готовился. Потому его выступления были живыми, слушали его всегда с интересом, задавали вопросы. Последний раз он пошёл на выступление 27 января 2014 года совершенно больной, ноги его уже совсем не ходили. Дойти до школы ему помогла дочь. Он мог бы отказаться от выступления, но его же ждали люди. Собрал все силы, волевым усилием выступил, ответил на все вопросы. 5 февраля его не стало.

В квартире Сысоевых на дверце книжного шкафа постоянно висят две ленточки — георгиевская и блокадная. Это знак уважения всем защитникам страны и тем, кто смог выстоять в суровые года блокады.

Сейчас некоторые наши бывшие «союзники» по Варшавскому договору и даже бывшие союзные республики СССР разрушают и сноят памятники советским солдатам, погибшим при освобождении оккупированных фашистами территорий этих стран. Вьетнам — единственная страна в мире из тех, кому помогал Советский Союз, возвёл в Камрани мемориальный комплекс с величественным монументом из красного гранита в память советских, российских и вьетнамских военнослужащих, отдавших жизнь за мир и стабильность в регионе, и гордится этим.